

**АЛЕКСАНДРА
БРАКЕН**

АЛЕКСАНДРА
БРАКЕН

ТЕМНЫЕ
ОТРАЖЕНИЯ
НЕМЕРКНУЩИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

*В память о моем отце, чья любовь к жизни
и непреклонное мужество продолжают
вдохновлять меня каждый день.*

ПРОЛОГ

Впервые я увидела этот сон на второй неделе пребывания в Термонде, и с тех пор он повторялся, по крайней мере, дважды в месяц. А где еще ему было присниться, как не за гудевшей от пропущенного через нее электричества оградой? Неважно, сколько лет пройдет: два года, три, шесть — это место высосет из тебя все, до дна. Зеленая униформа, набившая оскомину каждодневная рутина: время постепенно начинало буксовать, словно глохнувший автомобиль, пока наконец не останавливалось. Я понимала, что взрослею: ловила свое меняющееся отражение в металлических поверхностях в столовой — но не чувствовала этого. Связь между прошлым и настоящим была разорвана — я зависла где-то посередине. А может, это вовсе была уже не я? В лагере, как только ты покидал камеру, лишался своего имени. Я была номером: 3285. А еще файлом, хранившимся на сервере, или «делом», запертым в сером бронированном шкафу. Люди, знавшие меня ДО, были знакомы с совсем другой Руби.

Сон всегда начинался одним и тем же: грохотом, резкими звуками. Я, старуха — кривая, сгорбленная и больная, — стояла посреди оживленной улицы.

Возможно, даже где-то в Вирджинии, где жила наша семья, но меня так давно забрали из дома, что я вряд ли узнала бы родные места.

По обеим сторонам неосвещенной дороги неслись машины. Временами я слышала раскаты нарастающей грозы, порой это был нараставший рев автомобильных клаксонов. Иногда я оказывалась в полной тишине.

Но дальше всегда происходило одно и то же.

Одинаковые черные машины с визгом останавливались прямо передо мной, а потом, когда я поднимала глаза, давали задний ход. Как и все остальное. Дождь отлеплялся от липкого черного асфальта, поднимаясь в воздух идеальными блестящими капельками. Солнце скользило по небу обратно к востоку, подгоняя Луну. И с каждым новым оборотом я чувствовала, как косточка за косточкой расправляется моя древняя сутулая спина, — и вот я уже снова стою прямо. Когда я поднимала руки к глазам, морщины и сине-фиолетовые вены на коже разглаживались, старость словно бы таяла и стекала с меня.

А потом мои руки стремительно уменьшались. Угол обзора дороги менялся; я тонула в огромной одежде. Звуки становились оглушительнее, резче — и я переставала понимать, что это и откуда. Время катилось назад, сбивая меня с ног, разрывая голову.

Мне снилось, что время повернулось вспять, и я вновь обрела то, что потеряла, и стала прежней.

А потом сны прекратились.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сжав горло часового в локтевом захвате, я усилила давление, и резиновые подошвы тяжелых ботинок замолотили по земле. Ногти вонзились в черную ткань моей куртки и перчаток в отчаянной попытке их разодрать. Мозг, лишенный кислорода, все еще пытался найти выход, которого не было. Я видела их. Чужие воспоминания и мысли белыми вспышками жгли мне глаза, но я не ослабила хватки, даже когда охваченный ужасом разум охранника вытаскивал наружу изображение самого себя, уставившего широко открытыми глазами в потолок темного коридора. Неужели умер?

А я и не собиралась его убивать. Солдат был выше меня на голову, широкоплечий, с мощными бицепсами. Я справилась лишь потому, что он стоял ко мне спиной.

Инструктор Джонсон называл этот прием «захват шеи», он же научил меня и множеству других. «Консервный нож», «распятие», «ущемление шеи», «Нельсон», «торнадо», «захват кисти», «спинолом». Благодаря им я, будучи всего-то полтора метра ростом, смогу обездвижить даже того, кто превосходит

меня физически. И удерживать до тех пор, пока не пушу в ход настоящее оружие.

Теперь мужчина находился в полуобморочном состоянии. И я легко и уже безболезненно скользнула в его сознание: фрагменты памяти, хлынувшие мне навстречу, были окрашены в черный. Цвет проступал сквозь них, словно клякса на мокрой бумаге. Только уверившись, что солдат полностью в моей власти, я позволила себе ослабить хватку на его шее.

Да, не этого он ожидал, когда вышел покурить через неприметную боковую дверь магазина.

На морозном воздухе покрытые белесой щетиной щеки солдата покраснели. Я выдохнула облачко горячего пара из-под лыжной маски и откашлялась, каждой клеточкой чувствуя на себе внимание десяти пар глаз. Я провела пальцами по его коже, чувствуя, как они дрожат. От солдата пахло табаком, а еще мятной жвачкой — попытка скрыть дурную привычку. Я наклонилась вперед, прижимая два пальца к его шее.

— Проснись, — прошептала я. Мужчина широко, по-детски, открыл глаза. В животе у меня что-то сжалось.

Я полуобернулась на группу захвата — бойцы собрались за моей спиной и молча наблюдали за нами из-под масок.

— Где заключенный Двадцать семь?

Здесь камеры не могли бы нас засечь — потому-то, полагаю, солдат без опаски позволял себе незапланированные перерывы, — но мне не терпелось скорее разделаться со всем этим.

— Не тяни, черт возьми! — процедила сквозь стиснутые зубы Вайда.

Когда сзади подошел командир нашей группы, по моей спине волной прокатился жар, а руки снова дрогнули. Проникновение в чужие мозги не при-

чиняло боли, как раньше, не выжимало, скручивая разум болезненными узлами. Но обостряло восприятие сильных эмоций любого, кто находился рядом. И я ощущала отвращение, которое испытывал этот человек. Его черную-черную ненависть.

Краем глаза я видела темные волосы Роба. Приказ двигаться вперед, оставив меня здесь, готов был сорваться с его губ. Из трех операций под его командованием мне удалось закончить лишь одну.

— Где заключенный Двадцать семь? — еще раз спросила я, подтолкнув разум солдата своим собственным.

— Заключенный Двадцать семь. — Мужчина повторил эти слова, и его густые усы дернулись. Из-за проступившей в них седины охранник казался намного старше своих лет. Ориентировка, выданная нам в штабе, содержала краткое описание всех военных, прикрепленных к данному бункеру, включая и этого: *Макс Броммель*, сорок один год, родом из Коди, штат Вайоминг. Переехал в Пенсильванию, в Питтсбург, устроился программистом. После того как экономика рухнула, был уволен. Милая жена, тоже безработная. Двое детей.

Оба умерли.

Поток мрачных образов затопил каждый темный уголок, каждую щель его разума. Я увидела с десяток мужчин в одинаковом летнем камуфляже, выпрыгивающих из фургона, и еще несколько: они вылезали из «Хаммеров», окруживших огромную машину. В ней привезли преступников — тех, кого обвиняли в терроризме. И если данные, полученные Детской лигой, не врут, один из наших лучших агентов тоже находился там.

Я отстраненно наблюдала, как эти солдаты выводят из фургона одного... двоих... нет, троих. Конвоиры не были офицерами СПП или фэбээровцами,

или цээршниками, и уж точно не полицейскими спецназовцами или «морскими котиками», которые, скорее всего, одним ударом уничтожили бы наш крошечный отряд. Нет, это были всего лишь резервисты Национальной гвардии, призванные в тяжелые времена на действительную службу. По крайней мере, в этом сведения оказались верны.

Плотно натянув капюшоны на головы заключенным, солдаты погнали их вниз по ступенькам заброшенного магазина к раздвижной серебристой двери бункера, скрытого под ним.

После того как большая часть Вашингтона была, как утверждал президент Грей, уничтожена группой пси-детей, которым вывернули мозги, он приложил все усилия, чтобы возвести эти так называемые мини-крепости по всему Восточному побережью на случай нового столь же масштабного катаклизма. Некоторые построили под гостиницами, другие укрыли в склонах гор, а третьи, вроде этой, спрятали у всех на виду под магазинами или административными зданиями в маленьких городках. Они предназначались для защиты Грея, его министров и важных военных чиновников, а еще, как выясняется, чтобы держать в заключении «особо опасную угрозу национальной безопасности».

Таких, как наш заключенный 27, для которого, судя по всему, были подготовлены особые условия.

Его камера находилась еще двумя уровнями ниже, в конце длинного коридора. Камера-одиночка с низким, темным потолком. Стены, казалось, сдавливали меня, но воспоминание было четким. Не снимая с заключенного 27 капюшона, солдаты привязали его ноги к металлическому стулу, стоящему в центре камеры прямо под единственной голой лампочкой, освещавшей помещение.

Я вынырнула из головы мужчины, освобождая его от физического и психологического захвата. Он сполз вниз по испещренной граффити стене в заброшенной прачечной, все еще находясь в плену собственного затуманенного мозга. Стереть из его памяти мое лицо и остальных было все равно что вынуть несколько камушков из неглубокого прудика с чистой водой.

— Два этажа вниз, помещение Четыре-Б, — сказала я, поворачиваясь к Робу. Мы располагали наброском плана этого бункера, но без подробностей — мы не были слепы, однако «белых пятен» хватало. Впрочем, в общих чертах все бункеры строились одинаково: вниз ведет лестница или лифт, на каждом этаже по длинному коридору.

Роб поднял руку в перчатке, не нуждаясь в дополнительных деталях и подавая сигнал стоящим сзади. Я сообщила ему код, добытый из памяти солдата: 6-8-9-9-9-9-*, и отошла, потянув за собой Вайду. Та, что-то проворчав, отпихнула меня прямо на ближайшего солдата.

Я не видела глаз Роба за прибором ночного видения, вспыхнувшим зеленым светом, но его намерения были очевидны и так. Мы изначально не были ему нужны, и, конечно, Роб не хотел, чтобы мы потащились за ним туда, где он, бывший армейский рейнджер — о чем мужчина напоминал нам при каждом удобном случае, — управился бы сам с несколькими своими бойцами. Больше всего, думаю, Роб злился из-за того, что его вообще отправили на это задание. Политика Лиги — отречься от схваченных агентов. Провалился — помощи не жди.

Если Албан хотел вернуть этого, причины должны быть очень вескими.

Дверь отъехала в сторону, и обратный отсчет начался. Пятнадцать минут на то, чтобы войти, выта-

щить заключенного 27, выбраться и свалить к чертовой матери. Хотя, кто знает, есть ли у нас даже эти пятнадцать минут? Роб мог только грубо прикинуть, как скоро после срабатывания сигнализации будет подкрепление.

Дверь вела на лестницу в задней части бункера. Пролет за пролетом уходили вниз, во тьму, ориентироваться приходилось по немногим лампочкам, установленным вдоль металлических ступенек. Я услышала, как один из бойцов перерезал провода камеры наблюдения, расположенной где-то над нами, почувствовала руку Вайды, толкающую меня вперед, но потребовалось время — слишком много времени, — чтобы глаза привыкли к темноте. В сухом застоялом воздухе, раздражая легкие, все еще ощущался запах средства для стирки и других химикатов.

Потом мы побежали вниз по лестнице. Быстро и так тихо, насколько позволяли наши тяжелые ботинки.

Когда мы с Вайдой оказались на первой лестничной площадке, в моих ушах бился пульс. Шесть месяцев занятий — не слишком большой срок, но достаточный, чтобы научиться снова натягивать на себя привычную броню, сосредоточившись на главном.

Что-то твердое врезалось в мою спину, потом еще более твердое — плечо, автомат, потом снова и снова, пока я не поняла, что надо прижаться к двери, ведущей в бункер, чтобы пропустить солдат. Вайда резко выдохнула, когда последний из команды пролетел мимо.

— Прикрывайте нас. — Рядом с нами остановился Роб. — Пока мы не зашли, потом следите за входом. Оставайтесь здесь. Не покидайте позиций.

— Мы должны... — начала было Вайда, но я шагнула вперед, не давая ей договорить. Да, нас инструктировали иначе, но так даже лучше для нас обеих. Смысла спускаться за ними в бункер, возможно, навстречу смерти, нам не было. И Вайда знала — это вбивали в наши головы миллион раз, — что нынешней ночью командиром был Роб. Самое первое правило, единственное, что имело значение в мгновение между двумя паническими ударами сердца, гласило: ты всегда, даже под огнем, под угрозой погибнуть или оказаться в плену, *всегда* должен слушаться командира.

Вайда стояла у меня за спиной, достаточно близко, чтобы я чувствовала ее горячее дыхание через толстую черную вязь лыжной маски. Чтобы излучаемая ею ярость выплеснулась в морозный филадельфийский воздух. Вайда всегда фонтанировала кровожадным рвением, особенно когда командиром назначалась Кейт: стремление проявить себя перед Наставником вечно сводило на нет все усвоенные навыки. Для Вайды это было игрой, вызовом, чтобы продемонстрировать свой идеальный дар, боевую подготовку, отточенные способности Синей. Для меня — еще одной прекрасной возможностью оказаться убитой. В свои семнадцать Вайда, возможно, была идеальным стажером, стандартом, которому должны были соответствовать и остальные чудные дети, вытщенные и опекаемые Лигой. Однако единственным, с чем Вайда никак не могла справиться, был ее собственный адреналин.

— Не смей ко мне прикасаться, стерва, — огрызнулась Вайда низким от гнева голосом и уже отвернулась, чтобы пуститься за группой вдогонку. — Ты настолько труслива, что собираешься безропотно подчиниться? Тебе плевать, что он ни во что нас не ставит? Ты...